

DİLÇİLİK

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И. АГАКЕРИМОВ

Бакинский славянский университет

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРА-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ТЕКСТА ПЕРЕВОДА

Аннотация: В статье речь идет о необходимости учета неразделимости связей экстралингвистических и собственно-лингвистических фактов текста в переводе. Предпринимается попытка подробно анализировать вопрос роли фоновых знаний в переводе, а также высказываются мнения о путях преодоления противоречий, порожденных между культурными системами.

Açar sözlər: tərcümə, milli, linqvistik, ekstralingvistik, mədəniyyət.

Ключевые слова: перевод, национальный, лингвистический, экстралингвистический, культура.

Key words: translation, national, linguistic, extra-linguistic, culture.

Специфика процесса перевода и качество его результата характеризуются, прежде всего, с позиции собственной лингвистики. Характер коммуникативной модели, включающей в себе жанрово-стилистические своеобразия текста, фактор времени, а также выбор переводческой стратегии, проявляет себя так или иначе через совокупность функциональных стилей. А стиль речи как целые или «частные системы форм слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка» (I, б.) требует на втором языке определенного соответствия. Однако сфера или ситуация реализации этих функциональных стилей у получателей оригинала и перевода во многом может не совпадать. Иначе говоря, здесь ситуации распадаются на коммуникативные и предметные группы.

Когда мы говорим о необходимости сохранения экстра – лингвистических аспектов текста или предметной ситуации как национально – культурной специфики в переводе, ни в коей мере не следует понимать как попытку «принизить роль языка в переводческой деятельности. Именно язык является той первичной моделирующей системой, которая детерминирует перевод. Вторичными

моделирующими системами в процессе перевода являются различные системы культуры...» (I I. 52.).

Вместе с тем расхождения между культурными системами, которые порождают противоречия в переводе, неизбежно оказывают существенное влияние, как на предметную, так и коммуникативную ситуации. Преодоление в переводе этих межкультурных противоречий или «межпространственных факторов» сопряжено серьезными языковыми и внеязыковыми предпосылками. То есть культурно-исторические или пространство-временные факторы требуют к себе особых отношений. И «задача переводчика - выравнять межпространственный фактор. Правда, переводчикам не всегда удается успешно решить эту задачу» (III. 131.). Иначе говоря, выравнивание нередко заменялось нивелированием или упрощением:

«Таков прямой поэт. Он сетует душой,
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной,
И вольности лубочной сцены».

(А. Пушкин.).

Сравни:

Əsl şair belədir. Melpomenanın qəlbən,
O təəsüf eyləyir bəzəkli oyununa.
Meydan əyləncələri, səthi (?) səhnələr bəzən,
Onu da şənləndirir, gülməli gəlir ona.

(Перевод Э. Энвера.)

Как видно, во-первых, для «пышных игр Мельпомены» выражение «bəzəkli oyun» выглядит слишком бледно. Во-вторых, слово «лубочно» во времена Пушкина было известно как специальное искусствоведческое понятие, обозначающее художественное творение, рассчитанное на невзыскательный вкус. Поэтому в азербайджанском переводе вместо «səthi» целесообразно было бы употребить «bayağı» или «bulvar tamaşaları». Особенно недопустимо, когда национальные, культурно-исторические реалии в переводе «обретают» новые национальные оболочки. К примеру, следующий отрывок из «Гамлета» Шекспира.

“Hamlet: I goodly one, in which there are many Confines, Words, and Dunqcons: Denimarked being one o the worst” В переводческом варианте Т. Эюбова (“...zindanları, zirzəmiləri, tənha hücrələri var”) слово «hücrə» не вписывается в этот контекст. Оно больше ассоциируется с понятиями мечеть или же церковь.

Тоже самое можно сказать о следующем выражении.

“Ah əziz Horatsio, indi mən Kölgənin hər sözünü min tımənə almağa hazırım (“(перевод С. Мустафы) (“Oh good Horatio, I’ll take the Ghost’s word for a thousand pound Didn’t perceive”).

Здесь не излишне напомнить, что герои Шекспира не пользовались восточной валютой, в те времена на обороте у них были дукаты, фунты и другие денежные единицы.

По справедливым замечаниям С. Влахова и С. Флорина «Валюта, денежная единица, настолько тесно связана со своей страной что, казалось бы, является, подобно гербу», ее своеобразным символом.... и при переносном употреблении реалия нередко утрачивается часть коннотативного значения.

Конечно, когда они утрачивают свою конкретность и материальную стоимость, приближаются к «не реалиям». Вместе с тем, в таких случаях всегда надо соблюдать границу. Например, копейка, в отличие от гроша, сохраняет какую-то долю «национального колорита, давно утраченного «грошом» (IV 165-169). В этом плане с точки зрения семантики переводы названия романа С. Моема «Moon and sixpence» в русском («Луна и грош») и азербайджанском («Ау və qara şahı») вариантах заметно отличаются. «Şahı», как денежная единица связана с историей государства Сефевидов XVI века.

Фоновые знания, складывающиеся из разнообразных элементов предметной ситуации, диктуют соответствующую стратегию перевода. Здесь смещение двух национально-культурных традиций, т.е. «креолизация» (Попович) нередко характеризуется преобладанием творческих традиций одной из сторон. Однако встречаются случаи, когда переводчик удовлетворяется дословной или обобщенной формой передачи конкретного понятия, хотя он мог бы пользоваться полноценным эквивалентом из переводящего языка:

„Then is Doomsday nearer,-- “Dünyanın sonu yaxınlaşib” (близок конец света) (Шекспир «Гамлет»).

Это выражение библейского происхождения переводчик С. Мустафа мог бы передать вполне конкретно или эквивалентно («Qiyamət günü yaxınlaşır»).

Конечно, чаще всего при расхождении национально - культурных традиций и несовпадении коммуникативных ситуаций неизбежно дает о себе знать степень владения переводчиком фоновыми знаниями. Переводчик, не достаточно владеющий информацией об особенностях культурно – исторической атмосферы не может умело сохранить колорит эпохи. Такой принцип продиктован проблемой обеспечения адекватного понимания прагматического потенциала рецептором перевода. А задача эта не из простых:

«Я вовсе не желаю рая, и райский сад не нужен мне,-
Твой лик мне райский сад прекрасный, блаженство рая он дарит.
Когда развеет прах мой ветер, чело мое, и прахом став,
К порогу твоему святому вновь поклонится прилетить.»
(Насими)

(Перевод А.Старостина).

На первый взгляд может показаться, что в содержании перевода и оригинала имеются некоторые расхождения. Однако внимательное сравнение их показывает, что русский переводчик хорошо знал поэтику Насими да и всех хуруфитов, по мнению, которых красота человека сама по себе святее и выше любых святых. Поэт как истинный хуруфит, не ищет встречи с любимой в загробном мире а, после смерти только ветер может занести его прах к ее «порогу святому».

Переводчик средневековой восточной, в том числе азербайджанской поэзии должен знать, что в вопросе слияния душ в взглядах известных поэтов - суфистов имеются заметные расхождения.

Например, Физули считал: «Влюблен лишь тот, кто душу любимой отдает, - Любви совсем не знает тот, кто душу бережет». Поэтому Меджнун завидует смерти своего соперника Ибн-Салама:

Мы пламенно ее любили оба.

Но он, отдав ей душу, слился с ней,
Стал совершенным на стезе своей.

(V . 39).

Противоречие между оригиналом и переводом возникает не только по причине не совпадения лексико-грамматических, собственно стилистических и культурных факторов и наличием временных различий. Оно (противоречие – И. А.) особенно усиливается, когда между переводом и оригиналом имеется большая дистанция времени. К примеру, можно называть переводы сакральных изречений, которые имеют место, как в устной речи, так и художественных текстах. Например, для неискушенного или начинающего переводчика выражение «отделять овец от козлов» или «qoyunu qoyun ayağından, keçini keçı ayağından asmaq(ayağına yazmaq)» может и толком нечего не сообщить. Иначе он должен знать, что это восходит к Библии, где устами Иисуса говорится, когда наступит судный день, каждому воздается по заслугам: «И соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Матфей 25:32) (Bütün millətlər Onun önündə toplaşaraq, çoban qoyunları keçilərdən ayırdığı kimi, onları bir – birindən ayıracaq.)

Не раз говорилось, что переводчику необходимо знать об истоках или этимологии фактов (мотивов). В противном случае может теряться все то, ради которого или на основании которого было создано это произведение искусства. Знание переводчиком эстетических взглядов автора оригинала, его национально – духовной ориентации имеет решающее значение. Для перевода инокультурного текста недостаточно владение языком оригинала. Здесь переводчик должен быть в курсе этических, духовно - религиозных взглядов носителей языка оригинала. Например, при переводе художественных текстов, где фигурируют священные образы, притчи или изречения, переводчик выступает в роли филолога – исследователя и творца воспроизводителя. Верная передача их толкования и содержания обуславливает высокие интеллектуальные художественно – творческие возможности.(VII, 146.)

Проблема воспроизведения внеязыковой действительности охватывает целый спектр знаний культурно-исторического национально-специфического характера, где самые разнородные предметные явления обозначены соответствующими реалиями. Однако будучи наименования отдельных предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории данного народа или данной страны, реалия как отдельное слово не может отразить данный отрезок действительности в целом. Многие из того, что нужно «читать между строк», тем не менее, выражено или подсказано, так или иначе языковыми средствами, не вмещается в узкие рамки отдельных слов реалий. (IV,16.)

Да, художественный перевод это столкновение двух культур, где национально-специфические элементы находятся в оппозиции на двух плоскостях: на уровне пространства и на уровне времени. Фактор пространства или национально - культурной среды, находясь в тесной сплетении со временем, является основным источником межкультурных противоречий. Однако семантические расхождения, которые существуют между языками, «не создают непреодолимого барьера», справедливо отмечают А. Д. Швейцер и П. В. Чеснаков.

Действительно, с точки зрения эквивалентной передачи инокультурных понятий, хотя «выразительные возможности» языка не бесконечны, все же на базе

широкой, «гибкой и подвижной речи, использующей средства языковой системами и обладающей разнообразными возможностями комбинирования ее единиц», можно преодолеть семантические расхождения речи, которые в конечном счете будут служить познавательным возможностям воспринимающей стороны (II, 101.):

“Əymədim, bəli!
Əyilməz vicdanın böyük heykəli!”
(Səməd Vurğun).

Сравним:

Я - статуя, тяжелая, как совесть.
А статуи не кланяются, шах.
(Перевод А. Адалис)

Однако в процессе перекодирования культурных систем понятие «креолизации» разными переводчиками воспринималось по-разному. Хуже всего, когда, как уже отмечалось, происходит нивелирование, даже полное стирание национально-исторического колорита поэтического образа, осуществляется подменой элементов исходной культуры, традициями переводящего языка. Чрезмерное усиление метафорической и прочей изобразительно – выразительной системы получателя неизбежно приводит к грубейшему искажению национально – специфического и индивидуально – авторского стиля оригинала:

Gör necə alt-üst eyləyib şeyləri,
Döndərib “ a –ba “yə “ əlif – bey” ləri
Bidətə bax, “ya” oxudur “ “yey “ləri,
Sanki hürufat ilə düşmandı bu!
Dur qaçaq oğlum, baş – ayaq qandı bu!
(Sabir.)

А теперь для наглядности обратим внимание на перевод:

«Он внес хаос в грамматику, ей – ей!
И «а» и «б» не знают места в ней,
Он, как ишак, «е» тянет в место «ей»
Где надо мягкий, твердый ставит знак...
Бежим, мой сын! Здесь сущий кавардак!»

(Перевод С. Васильева).

Даже не вооруженным глазом видно, что переводчик явно перегибал палку. Ведь, каким бы то хлестким не был Сабир, некогда он не опускался в своих сатирах до такого уровня речи. Кроме того переводчику вместо «русифицирования» азербайджанской фонологии следовало бы обратить должное внимание на авторскую концепцию сатиры и гражданскую позицию поэта-просветителя. Сабир будучи учителем, беспощадно критиковал средневековые методы обучения в моллаханах. Его поэтические приемы «самообличение» или «самопорицание», характеризуется как оригинальный способ воздействия на пробуждение национального самосознания широких народных масс в годы революции. Поэзия Сабира теснейшим образом связана с национальными традициями и его народным языком. А перевод « национальной формы передается не искажением языка», на который или из которого «переводится данное художественное произведение, не прилаживани-

ем этого языка к чужим грамматическим нормам не гримировкой, костюмерией и бутафорией» под местный колорит.(VI. 391).

Воспроизведение на втором языке фактов эпохи вне контекста национально – культурной атмосферы по сути дела ничего существенного не может сообщить иноязычному читателю. Он должен изнутри почувствовать закономерности исторического развития конкретной эпохи, воссоздать тончайшее отражение духовного процесса в поведении, сознаниях, стилях речи людей и вековых традициях всего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М. Изд - во МГУ.1978.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1989.
3. Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980.
4. Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе. М: «Международные отношения» 1980.
5. Гулиев Гасан. Физули: караван поэтических жемчужин Баку 1996.
6. Кашкин И. Для читателя – современника: Статьи и исследования. М. Советский писатель.1977.

XÜLASƏ

Məqalə mətninin xüsusi-lingvistik və ekstralingvistik aspektlərinin qarşılıqlı əlaqəsi faktının bədii tərcümənin başlıca xüsusiyyəti kimi nəzərə alınmasının vacibliyi məsələsinin təhlilinə həsr olunmuşdur. Bununla əlaqədar olaraq tərcümədə predmet və kommunikativ situasiyalara mümkün təsirlərin dəf edilməsi yolları təklif olunur.

SUMMARY

This article is devoted to the analys of mutual relations of special lingvistic and extra lingvistic aspects of the given text as important part of literal translation. According to this factors that influence objective and communicative situations in translation are specially emphasised.